

An elderly man with a grey beard and balding head, wearing a dark, textured coat, is seen from behind. He is holding a paintbrush with red paint dripping from the tip, standing in front of a large, blank, light-colored canvas mounted on a wooden easel. The background is dark and textured.

Эвен Тресс

Великий Талант

Эвен Тресс

Великий Талант

«Автор»

2026

Тресс Э.

Великий Талант / Э. Тресс — «Автор», 2026

У него был дар, о котором мечтают миллионы. Такой дар не прощает посредственности. Такой дар требует всего. Но что, если цена оказывается выше, чем сам талант?

Содержание

Он и она	6
Вырастет – сам поймет	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Эвен Тресс

Великий Талант

Великий талант

Он и она

Осень 1970. Стройотряд

Хрустальный октябрьский воздух Омска пах углём, прелой листвой и далёкой, едва уловимой надеждой. Вера Шумова, закутанная в клетчатое пальто и шерстяной шарф, с трудом тащила тяжёлую папку с чертежами через весь двор политехнического института. Папка была огромной, нелепой, и Вера уже пожалела, что вызвалась отнести эти бесконечные схемы из главного корпуса в лабораторный. Ещё два шага — и картонная ручка норовит выскользнуть из замёрзших пальцев.

— Давайте помогу, — раздался голос сзади, молодой, уверенный, с лёгкой хрипотцой.

Она обернулась. Перед ней стоял высокий парень в потёртой куртке-«болонье» и джинсах, которые в Омске были ещё диковинкой. Улыбался. Улыбка была открытой, почти наглой, но глаза — живые, любопытные.

— Я справлюсь, — буркнула Вера из принципа. Её учили не принимать помощь от незнакомцев, особенно мужчин. Особенно таких, которые смотрят прямо в душу.

— Вижу, как справляетесь, — папка уже кренилась под углом в сорок пять градусов. — Артём. Строительный факультет. А вы, видимо, с эконома?

— Вера, — сдалась она, позволяя ему забрать ношу. — И да, экономфак.

Они пошли рядом. Он нёс папку, как перышко, рассказывал что-то про смешного преподавателя по сопромату. Вера смотрела на него искоса. Он был не похож на тех, кого она знала: не сытый, не гладкий, не из её круга — детей партийных работников, врачей, инженеров. В его интонациях слышался не то южный, не то деревенский акцент, который он старательно скрывал. Но в этом парне была энергия. Энергия улицы, энергия того, кто хочет взять от жизни всё.

— Вы из местных? — спросила она из вежливости.

— Из Называевска, — ответил он, и в глазах мелькнула тень, будто он произнёс не просто название, а пароль в другую жизнь. — Это тут, в области. Приехал сюда учиться. Говорят, ваш ОПИ — один из лучших политехов в Союзе.

«Ваш ОПИ», — мысленно повторила она. Да, это был её мир. Мир прочных стен, широких коридоров и чётких перспектив. Мир, от которого она отчаянно хотела сбежать.

В Называевске, как она смутно представляла, не было ни заводов-гигантов, ни консерватории, ни особняков на Куйбышева. Там были панельные двухэтажки, бескрайние поля и ветер. Для Артёма Омск — столица мира. Для Веры — ухоженная, предсказуемая клетка.

Он нёс её папку, и ей вдруг стало неловко: он, вероятно, считал её избалованной «дочкой начальника». А она в тот момент считала себя узницей.

— Спасибо, — сухо сказала она, когда они дошли до лабораторного корпуса. — Я дальше сама.

— Вера, — окликнул он её уже на «вы». — Если что — я на стройфаке, третья группа. Могу и ещё чем помочь.

Она кивнула, не оборачиваясь. Но его улыбку запомнила. Улыбку человека, который видит цель и не боится протянуть руку.

Зима 1970-71.

Он нашёл её через неделю в столовой. Купил два компота и сел за её стол без приглашения.

— Думал, вы на экономфаке только цифры считаете, а вы, оказывается, и в хоре поёте, — сказал он, отодвигая ей стакан.

— Вы за мной следите? — нахмурилась Вера, но беззлобно.

— Интересуюсь, — поправил он. — Вы не похожи на тех, кто здесь обычно сидит.

Он был прав. Её подруги — Катя, Лена, дочери таких же, как её отец, — обсуждали, какие туфли достали через знакомых и как выйти замуж за перспективного комсомольского работника. Вера же молчала и смотрела в окно. Ей было скучно. Скучно от этой размеренной, выверенной, как чертёж, жизни.

Артём говорил о другом. О том, как его отец, мастер на лесопилке, мечтал, чтобы сын стал инженером. Как сам он приехал в Омск с одним чемоданом и твёрдым намерением остаться. Как хочет построить дом. Не просто квартиру, а настоящий дом, с верандой и садом.

— А вы чего хотите? — спросил он вдруг, глядя на неё прямо.

— Улететь, — неожиданно для себя выпалила Вера.

— Куда?

— Не знаю. Просто улететь отсюда.

Он рассмеялся, но не со злорадством, а с пониманием.

— Ну, летать я не умею. Но если надо помочь спуститься на землю — я к вашим услугам.

Она смотрела на его руки — крупные, с жёлтыми от махорки пальцами, с заусенцами. Руки человека, который умеет что-то делать. Не как её отец, чьи руки знали только бумаги и ручки. И ей вдруг захотелось потрогать эти руки. Чтобы понять, какая она, та самая «другая жизнь».

Они начали встречаться. Тайком. Потому что Вера знала: родителям он не понравится. Николай Фёдорович, её отец, директор завода тяжёлого машиностроения, ценил основательность, родственные связи, перспективу. Артём был никем. Мать, Тамара Викторовна, с её безупречным вкусом и тихим, но непререкаемым авторитетом в доме, и вовсе бы ахнула.

Но именно это и привлекало Веру. Он был её личным бунтом. Билетом на выход.

Для Артёма всё было и проще, и сложнее. Вера ему нравилась. Нравилась её сдержанная улыбка, ямочка на щеке, когда она смеялась по-настоящему, её странные, оторванные от жизни мечты. Но он не был наивен. Он видел её дом — трёхкомнатную квартиру в «сталинке» с казённой, но качественной мебелью, хрустальной люстрой и пианино. Видел, как её отец разговаривает по телефону, отдавая распоряжения. Видел её мать, которая, несмотря на всю интеллигентность, смотрела на мир свысока.

Он понимал: Вера — это шанс. Шанс зацепиться в этом городе не как приезжий студент, а как свой. Как человек, которому открыты двери. Он не хотел её использовать. Он искренне хотел быть с ней. Но мысль о том, что этот союз даст ему социальный лифт, грела сильнее, чем первая весенняя оттепель.

Весна 1971.

Он сделал предложение в марте, на берегу Иртыша, когда лёд уже пошёл трещинами. Не на колене, а просто взял её за руки и сказал:

— Вера, давай поженимся. Я знаю, я не ровня тебе. Но я буду строить для нас жизнь. Настоящую.

Она посмотрела на него, на его серьёзное, вдруг повзрослевшее лицо, и подумала: «А почему бы и нет?». Это был не крик души, не страсть. Это было решение. Решение начать свою, отдельную жизнь. Пусть даже с ним. Пусть даже так.

Родители, как и ожидалось, были против. Николай Фёдорович устроил допрос: «Кто его родители? Какая специальность? Какие планы?». Тамара Викторовна плакала: «Верочка, он тебе не пара, у вас разное воспитание, ты будешь несчастна!».

Но Вера проявила редкое для неё упрямство. Она заявила, что беременна. Это была ложь. Но ложь, которая подействовала как атомная бомба. Отец, бледный, сел в кресло. Мать замолчала, уставившись в окно. Через неделю они дали согласие.

Свадьба была скромной, но с намёком на статус: ресторан «Иртыш», двадцать человек гостей со стороны невесты, трое — со стороны жениха (его сокурсники). Родители Артёма не приехали — не на что было. Он сказал, что отец болен.

Николай Фёдорович, сжав зубы, произнёс тост за молодых. Тамара Викторовна не плакала, но её лицо было каменным. Главный подарок преподнесли в конце: ордер на однокомнатную квартиру в новом панельном доме на окраине, на улице Богдана Хмельницкого.

— Учитесь жить сами, — сказал отец, вручая бумагу Артёму. Тот поблагодарил, низко поклонившись. В его глазах горел не столько восторг, сколько удовлетворение. Он это заслужил. Он этого добился.

Вера же, в белом платье, сшитом за три дня знакомой портнихой, смотрела на мужа и думала: «Ну вот. Началось». Было страшно. Но было и сладкое ощущение свободы. Пусть иллюзорной.

Лето-осень 1971.

Квартира оказалась клеткой. Маленькой, пахнущей краской и одиночеством. «Хрущёвка», сорок квадратных метров смотрового окна на такой же серый панельный дом напротив.

Она действительно забеременела почти сразу. Нечаянно. И если сначала это казалось продолжением авантюры, то потом стало тяжёлой, утомительной повинностью. Токсикоз валил с ног. Артём учился, подрабатывал чертёжником в проектном бюро. Дома бывал мало.

Вера целыми днями лежала на диване, слушала, как соседи сверлят стену, и смотрела в потолок. Ей было скучно. Страшно скучно. Они почти не разговаривали. Когда он приходил, уставший, она молча разогревала ему купленные в столовой котлеты с гречкой. Он ел, рассказывал что-то про институт, потом засыпал. Секс стал редким, неловким, осторожным — из-за её живота.

Она начала сбегать. Как только стало легче, стала надевать своё лучшее платье (оно ещё сходилась на талии) и уходить к подругам. В кино. А чаще всего — на танцы в студенческий клуб. Там, под «Битлз» и «Самоцветы», под гитару, она на два часа забывала, что она — беременная жена студента Артёма. Она снова была просто Верой. На неё смотрели мужчины. Делали комплименты. И ей это нравилось.

Он сначала терпел. Списывал на гормоны, на тоску по дому. Мол, молодая, не нагулялась. Он же был старше. Но внутри копилась обида. Он пахал как вол, чтобы строить их общее будущее, а она... она словно не понимала, какое сокровище ему подарила. Он женился на дочери директора завода. Вот только получил капризную девочку, которая не умела даже суп сварить. А, главное, не хотела и учиться. Да и тесть его явно не жаловал. Если сперва ему

хватало того, что у него есть теперь квартира в областном центре, о которой и мечтать не смел, то теперь его злило, что тесть так и не пристроил к себе на работу.

Однажды он пришёл рано и застал квартиру пустой. На плите — холодный чайник. Он сел на стул и сидел так час, пока не услышал её шаги на лестнице. Она вошла с сияющими глазами, с запахом духов и чужих сигарет.

— Где была? — спросил он тихо.

— На танцах, — ответила она, не смущаясь.

— Ты же на пятом месяце.

— И что? Ребёнок в животе, а не в ногах.

Он не стал ссориться. Повернулся и ушёл в институт, ночи просидел над чертежами. Впервые он подумал: «А правильно ли я сделал?». Но тут же отогнал мысль. Он слишком много вложил, чтобы отступать.

Зима 1971-72.

Беременность сделала её красивой, но холодной. Она отдалилась окончательно. Её мысли были где-то далеко, не с ним. Он чувствовал себя дойной коровой, которая должна учиться, работать и обеспечивать, пока его жена предаётся меланхолии.

На институтских вечеринках (на которые она теперь отказывалась ходить) на него заглядывались девчонки. Сокурсницы, лаборантки. Они видели в нём перспективного, красивого парня, который, между прочим, женился на «блатной». Им было интересно. А ему — одиноко.

Лариса была лаборанткой на кафедре. Не красавица, но весёлая, простая, из рабочей семьи. Она смеялась над его шутками, спрашивала совета, однажды принесла ему бутерброды из дома, когда он засиделся. С ней было легко. Не надо было играть роль «достойного мужа». Не надо было пробивать стены равнодушия.

Он не планировал. Просто однажды, после защиты чертежа, она осталась с ним в пустом кабинете, потушила свет, кроме настольной лампы, и сказала:

— Ты какой-то несчастный, Артём.

И он, уставший от тишины в своей квартире, от вечно спящей или смотрящей в окно жены, разрыдался. Прямо на её плече. А потом были поцелуи. Быстрая, неловкая близость на старом диване. Стыд. И облегчение.

Он не любил Ларису. Но она давала ему то, чего не хватало, — простую человеческую теплоту и ощущение, что он кому-то нужен. Он стал задерживаться «в институте» всё чаще.

Вера, тем временем, становилась всё круглее и всё молчаливее. Она готовилась к родам, обшивала пелёнки (научилась-таки шить), читала книги по воспитанию. Она разговаривала с животом, пела ему колыбельные. С мужем же общалась односложно. Его присутствие её не радовало, его отсутствие — не огорчало. Он стал деталью интерьера. Неудобной, но пока необходимой.

Весна 1972.

Роды были долгими и тяжёлыми. Артём просидел в коридоре роддома всю ночь. Когда вышел врач и сказал: «Мальчик. Здоровый. Мать в порядке», — он заплакал. Впервые за много

лет. Это были слёзы нежности, ответственности и какой-то дикой, животной радости. Его сын. Его продолжение. Его семья.

Он ворвался в палату, увидел Веру — бледную, измождённую, но сияющую — и ребёнка у неё на груди. Маленькое красное личико, крошечные кулачки.

— Сын, — прошептала она.

Он наклонился, поцеловал её в лоб, потом в щёку сына. В тот момент он любил их обоих до боли в сердце. Он клялся себе, что будет лучшим отцом. Что всё наладится. Теперь-то они станут настоящей семьёй.

Через неделю их выписали. Он нёс на руках свёрток с сыном, которого они называли Лёвой. Вера шла рядом, осторожно, но твёрдо. Дома её ждала мама, Тамара Викторовна, которая на первые дни приехала помочь. Она взяла на себя все заботы: купание, пелёнки, стерилизацию.

Артём чувствовал себя лишним. Он пытался помогать, но мать жены мягко, но настойчиво отстраняла: «Не так, Артём. Дай я». Он отступал, шёл на кухню, пил чай и смотрел, как две женщины, мать и дочь, крутятся вокруг его сына.

На третий день Тамара Викторовна уехала. Вера, уставшая, но счастливая, кормила Лёву на кухне. Артём решил сделать что-то полезное. Собрал свою грязную куртку, которую носил в роддом, чтобы отнести в химчистку. Засунул руку в карман, чтобы проверить, ничего ли не забыл.

Его пальцы наткнулись на смятый клочок бумаги. Он вытащил. Это была записка, написанная округлым женским почерком:

«Артём, не забывай. Жду в пятницу у гаража. Твоя Лариска».

Ледяной ком встал у него в груди. Он совсем забыл про эту записку. Он судорожно смял бумагу, оглянулся. Вера сидела спиной, покачивая сына. Он быстро сунул записку обратно в карман и пошёл в прихожую, чтобы выбросить её в мусорное ведро. Но ведро было пустым — тёща только что вынесла.

«Чёрт, — подумал он. — Ладно, потом выкину на улице».

Он повесил куртку на крючок и вернулся на кухню. Вера уже укладывала заснувшего Лёву в коляску.

— Всё в порядке? — спросила она, глядя на него.

— Да, да, — он засуетился. — Хотел куртку отнести. Потом.

Через час, когда Лёва заснул в своей корзине, а Вера прилегла отдохнуть, он вспомнил про куртку. Решил вынуть записку и порвать. Подошёл к прихожей. Куртка висела на месте. Он полез в карман.

Карман был пуст.

Сердце упало. Он обыскал все карманы. Ничего. Обернулся. Вера стояла в дверях кухни. В её опущенной руке был тот самый смятый листок. Она смотрела не на него, а куда-то сквозь него. Лицо было спокойным. Слишком спокойным.

— Вера, я могу объяснить... — начал он, и голос его дрогнул.

— Объяснять не надо, — перебила она тихо. — Я всё поняла.

— Это ничего не значит! Это было один раз! Я...

— Мне всё равно, Артём, — сказала она, и в её голосе не было ни гнева, ни боли. Была лишь усталая, окончательная пустота.

Он замер. Эти слова ударили сильнее, чем крик, чем пощёчина. «Мне всё равно». Значит, ему не прощают. Значит, его даже не ненавидят. Его просто... не замечают.

— Ради Лёвы... — выдохнул он. — Мы можем всё начать заново. Я больше никогда...

— Ради Лёвы, — повторила она, наконец подняв на него глаза. В этих глазах он увидел не обиду жены, а холодную, почти материнскую решимость. — Ради него я и так всё делаю. Но жить с нелюбимым мужчиной я не буду. Даже ради него.

Она медленно разорвала записку на мелкие кусочки и бросила их в пепельницу.

— Сейчас не время об этом говорить. Лёва спит. У меня молоко прибывает. Иди, сделай чай.

Он повиновался, как автомат. Пошёл на кухню, поставил чайник. Руки дрожали. Он смотрел на закипающую воду и понимал: всё, что он строил — брак, социальный лифт, будущее — рассыпалось в прах. Но самое страшное было не это. Самое страшное было то, что он любил этого маленького, спящего в соседней комнате человечка больше жизни. И ради него был готов на всё. Но она — нет.

Вера сидела в комнате, смотрела на спящего сына, потом на мужа, который неловко хлопотал на кухне, и думала. Она поймала себя на мысли, что не чувствует ничего. Ни ревности, ни гнева, ни даже разочарования. Только огромную, всепоглощающую усталость и осознание ошибки. Ошибки, которая привела её в эту однокомнатную клетку к нелюбимому мужчине.

Но в этой же комнате, в этой корзине, лежал и результат этой ошибки. Её сын. Её Лёва. Его ровное дыхание было теперь единственным звуком, который имел значение.

Она не знала, что будет завтра. Не знала, как и когда они разойдутся. Знали лишь одно: та жизнь, о которой она мечтала, танцуя в студенческом клубе, — не случилась. А та, что была у её родителей — дом, работа, тихий быт, — которую она так презирала, теперь казалась не такой уж плохой. Это была просто жизнь. Без ярких взлётов, но и без таких вот предательств и пустоты.

«Я не хочу здесь оставаться, — подумала она, глядя на профиль мужа в дверном проёме. — Но и бежать некуда. Теперь есть он».

Она закрыла глаза, прижалась щекой к краю корзины. Снаружи гудели трамваи, кричали дети. Начинался обычный весенний вечер в Омске. А в их маленькой квартире на окраине тихо рушился мир. Но падать было нечему. Потому что самое ценное уже лежало перед ней, крепко сжимая во сне её палец своей крошечной ладонью.

Вырастет – сам поймет

1973–1976

Родители не стали долго спорить, но молчание, повисшее в гостиной после её слов, было гуще и тяжелее любой ссоры. Николай Фёдорович, её отец, отложил газету «Правда» на полированную столешницу, медленно снял очки, протёр их платком. Не смотрел на неё, смотрел куда-то в пространство над её головой, где висела люстра с хрустальными подвесками — свидетельство его статуса.

— Ну что, — сказал он наконец, голос низкий, без эмоций. — Показал себя, твой рыцарь? Я же говорил. Говорил, когда ты его в первый раз сюда привела. Не зря я его к себе на завод не взял. Видел я таких. Им не семья нужна, им социальный лифт. Дом построить? Да он из грязи в князи мечтал прыгнуть, а ты — его трамплин. Использовал и бросил. Классика.

Каждое слово падало, как камень. Вера сидела на краю дивана, поза прямая, руки сцеплены на коленях. Она не спорила. Она просто слушала.

— Папа, это уже не важно.

— Не важно? — он резко повернулся к ней. — А что важно? То, что мой внук теперь без отца расти будет? То, что моя дочь уборщицей где-то подрабатывает, санки по городу таскает? Это важно?

Его лицо покраснело. Он не кричал, но от его шёпота становилось жутко.

— Ты думаешь, я не знаю? Всё знаю. И что к няне-старухе водишь, и что в шесть утра на троллейбuse. Позор. Наш позор.

Мать, Тамара Викторовна, всё это время молчала, сидя в своём вольтеровском кресле у пианино. Руки её лежали на коленях, пальцы слегка подрагивали. Когда отец умолк, она подняла на Веру глаза, полные неподдельной, животной жалости.

— Верочка, милая, может, не надо этого развода? Подумай ещё. Он ведь не чудовище какое. Не бьёт, не пропадает. Загулял — так... так мужики они все иногда. Это же не причина. Причина — это пьянство, мордобой. А так... переберется. Ты потерпи ради Лёвочки. Ради ребёнка. Он же будет несчастным без отца.

— Он и с отцом несчастным будет, — тихо ответила Вера. — Если отец — чужой человек в доме.

— Не чужой! Он же его отец! Кровь! — всплеснула руками мать. — Он поможет, образумится. Ты ему дай шанс.

Вера смотрела на них — на отца, для которого она теперь в первую очередь «позор», и на мать, для которой главное — сохранить видимость благополучия любой ценой. Она вдруг с абсолютной ясностью поняла: они не видят её. Они видят своё отражение в её неудаче. Её провал — это пятно на их безупречной, выстраданной репутации «крепкой советской семьи». Им неважно, что она чувствует. Важно, как это выглядит.

Она встала.

— Я не буду мириться. И не вернусь сюда жить. Квартира наша, подаренная вами, в ней я и останусь. Спасибо за всё.

Отец фыркнул, снова взял газету — жест окончательного отторжения. Мать заплакала тихо, по-девичьи, закрыв лицо платочком. Вера вышла в прихожую, надела своё осеннее пальто, уже потёртое на локтях. Перед зеркалом она на секунду поймала своё отражение: осунувшееся лицо, тени под глазами, губы, плотно сжатые в тонкую ниточку. «Двадцать четыре года, — подумала она. — А выгляжу на все сорок».

Она не испугалась трудностей. Её пугало другое — снова стать частью этого уютного, душевного мирка, где любовь измеряется успехами, а достоинство — отсутствием пятен на репутации. Нет, уж лучше своя, холодная, но своя клетка.

Когда развод оформили — быстро, без эмоций, в том же загсе, где расписывались два года назад, — Лёве был год и пять месяцев. Артём забирал свои вещи в воскресенье, пока Вера намеренно ушла с коляской в парк. Она гуляла три часа, пока Лёва не уснул в коляске, утомлённый первой бегом и осенним ветром.

Вернувшись, она нашла квартиру пустой и... чистой. Он не просто взял свои книги, чемодан, инструменты. Он, видимо, протёр пыль, вынес мусор, даже помыл пол на кухне. Как будто стирал следы своего присутствия, как преступник — отпечатки пальцев. Остался только едва уловимый запах махорки, въевшийся в обои, да маленькая царапина на подоконнике — от его чертёжного циркуля. И тишина. Такая оглушительная, что Вера сначала не услышала, как Лёва проснулся и заплакал.

Она уже вышла на учёбу. Бросить третий курс экономического факультета было нельзя — это означало бы капитуляцию, признание, что она не справилась. Стипендия — сорок рублей в месяц. Молоко, творог, мясо для ребёнка — всё это было в дефиците и стоило на чёрном рынке втридорога. Сорока рублей не хватало катастрофически.

Через две недели после развода она стояла перед заведующим продуктового магазина №45, что в двух остановках от дома. Небольшой магазин, пахнущий тухлой капустой и хлоркой. Завхоз, женщина лет пятидесяти с лицом, как у высохшей яблочной хранильницы, смотрела на неё поверх очков.

— Уборщицей? А ребёнок, кто с ним?

— Устрою к няне.

— С пяти до восьми. Полы, полки, мусор. Пятнадцать рублей. Без больничных, если заболите — ищите замену сами. Выходной — понедельник. Идёт?

— Идёт, — сказала Вера, даже не подумав торговаться.

Пятнадцать рублей. Плюс сорок стипендии. Пятьдесят пять. Квартплата — семь. Остаётся сорок восемь. На еду, на одежду, на няню, на лекарства. Цифры вертелись в голове, складываясь в жёсткую, безрадостную формулу выживания.

Няню искала отчаянно. Обзвонила всех знакомых, расклеила записки на подъездах. Одни брали слишком дорого — двадцать, тридцать рублей. Другие смотрели на Лёву, на его огромные, испуганные глаза, и качали головой: «Слишком маленький, не справлюсь». Повезло почти чудом. В соседнем поселке, лишь недавно ставшим городом, в квартире на первом этаже, жила Анна Петровна. Ей было около семидесяти, но держалась она прямо, ходила быстро. Дети — сын и дочь — давно укатили в Новосибирск, растили своих. Внуков привозили только на лето, да и то не каждый год. Большую трёхкомнатную квартиру она заполняла фикусами, вышивками и тишиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.